УДК 316.7

Н.Ф. Зюзев, М.В. Локачева

Сыктывкар

№ 1 (14) (2019)
«Наследие»

ВИКО И СОРОКИН: ЦИКЛИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2019.1.2>

Теория социокультурных флуктуаций П. Сорокина и учение о трех периодах человеческой истории Джамбаттисты Вико имеют множество общих элементов. Возникает вопрос: можно ли считать теорию Сорокина вторичной по отношению к учению Вико и не заимствовал ли Сорокин у него свои идеи? Анализ показывает, что, действительно, совпадений немало. Но наблюдается и ряд серьезных расхождений: относительно участия божественного в истории, роли рационального познания, соотношения между разными фазами исторического развития. Сорокин придает особую важность морально-этической стороне общественной жизни, тогда как Вико концентрируется на культурных явлениях и достижениях. В целом, несомненно, мы имеем дело с совершенно оригинальными учениями, созданными двумя выдающимися мыслителями. Ключевые слова: Питирим Сорокин, Джамбаттиста Вико, социокультурные флуктуации, циклическая интерпретация истории, рациональное познание, этика.

Zyuzev N.F., Lokacheva M.V. Vico and Sorokin: cyclical interpretations of history. Giambattista Vico's theory of history has a number of common points with Pitirim Sorokin's concept of sociocultural fluctuations. So, is it possible that Sorokin's theory lacks originality as he in fact had borrowed some of Vico's central ideas? Analysis shows that while there are indeed some parallels between two theories, there are also serious disagreements. For instance, Sorokin and Vico differ the role of the divine providence in history, the significance of rationality, the relationships between different stages of historical process. Sorokin is particularly concerned with moral issues, while Vico is focused on cultural development and achievements. On the whole, behind certain similarities there are two absolutely original concepts developed independently by two great scholars.

Key words: Pitirim Sorokin, Giambattista Vico, sociocultural fluctuations, cyclical theory of history, rationality, ethics.

Параллели между учением выдающегося итальянского мыслителя Джамбаттисты Вико (1668–1744) о трех периодах развития человеческого сознания и концепцией флуктуации социокультурных систем Питирима Сорокина были давно замечены и неоднократно обсуждались [Anderle, 1963, p.95–121; Jaworski, 1993, p.61–77; Danesi, 1995, p.179; Puchala, 2003, p.121]. Сходства между двумя теориями несомненны, вопрос же заключается в следующем: можно ли говорить о том, что Сорокин «позаимствовал» всю идею у Вико, «наклеив» на нее другие термины? Или – в более легком варианте – насколько близки эти две концепции, чтобы считать учение Сорокина «вторичным» по отношению к теории выдающегося итальянского мыслителя?

Для начала «пробежимся» в целом по их учениям. Мысль Вико, изложенная им в знаменитом трактате «Основания новой науки» [Вико, 1994], заключается в том, что человеческая история – это история трех периодов, или «возрастов», человечества, т.е. трех стадий развития, через которые проходит каждая нация. Первый «возраст» он называет эпохой богов. Это время, когда люди только еще начинают выходить из животного состояния. О разуме, морали, рефлексии и сколько-нибудь высоких чувствах говорить еще не приходится: «человеческая природа, поскольку она обща со звериной, обладает тем свойством, что чувства оказываются единственными путями, на которых она познает вещи» [Вико, 1994, с.131]. Соответственно, люди руководствуются грубыми чувствами страдания и удовольствия и относятся к предметам внешнего мира лишь с одной перспективы: какое воздействие на них могут оказать данная вещь, боль или наслаждение? Еще нет понятия субъективности, не говоря об индивидуальности. Поскольку рациональность не развита, люди отождествляют природные феномены с божественными. Природа кажется им одушевленной, а ее проявления – благоприятные или неблагоприятные для людей – представляются им отношением высшего существа к человеческому племени. Так появляется поэтическая теология, одним из самых ярких примеров которой стала греческая мифология. Первые монархи считались земными богами, потому главной и единственной системой правления в то время была «теократия». Право было также основано на воле богов, а знание о том, чего же желают боги, передавалось через оракулов, способных слышать и угадывать их волю.

Второй «возраст» – это век героев. Мышление развивается, но оно характеризуется преобладанием фантазийного над рациональным. Власть принадлежит племенным вождям, возникают так называемое «героическое право» и религия силы: «Вторым было Героическое Право, т.е. Право Силы, но сдерживаемой Религией, которая одна лишь может поставить определенные границы силе там, где нет человеческих законов, или, если они и существуют, где их недостаточно, чтобы обуздать силу. Поэтому Провидение установило, чтобы первые народы, дикие по самой своей природе, были слепо убеждены в такой Религии и находили естественное успокоение в Силе, и чтобы они, неспособные еще повиноваться Разуму, считали правом Судьбы, с которой они советовались при помощи Предсказаний в виде ауспиций. Такое Право силы – право Ахилла, полагающего все его основание в острие своего копья» [Вико, 1994, с.379]. Теперь уже не боги правят миром, а герои, но они выражают волю богов. На героях основаны и типические характеры этого времени – соответствующими обобщениями в форме универсализаций: Ахилл – обобщение сильных воинов, Одиссей – мудрецов. Это мир, описанный Гомером в его великих поэмах.

Наконец, третий «возраст» – это век людей. В эту эпоху люди достигают «зрелости» и становятся хозяевами своей судьбы. Они руководствуются велениями разума, а не волей богов. Соответственно, они также начинают осознавать, что все люди равны вне зависимости от происхождения, и на этой основе формируются новые принципы права, согласно которому все равны перед законом. Возникают критическое отношение к реальности, рациональная философия и науки. Однако период «самовласти» человека полон внутренних опасностей. Люди в своей упоенности собственными силами, умом и талантами начинают терять связь с реальностью, впадают в мелкий эгоизм, раздоры и конфликты, которые находят свою кульминацию

в тотальном хаосе и развале цивилизаций и наций (например, как это произошло с Римской империей): «так как народы, подобно скотам, привыкли думать только о личной пользе каждого в отдельности, так как они впали в последнюю степень утонченности или, лучше сказать, спеси, при которой они подобно зверям приходят в ярость из-за одного волоса, возмущаются и звереют, когда они живут в наивысшей заботе о телесной преисполненности, как бесчеловечные животные, при полном душевном одиночестве и отсутствии иных желаний, когда даже всего лишь двое не могут сойтись, так как каждый из двух преследует свое личное удовольствие или каприз, – тогда народы в силу всего этого из-за упорной партийной борьбы и безнадежных гражданских войн начинают превращать города в леса, а леса – в человеческие берлоги. Здесь в течение долгих веков варварства покрываются ржавчиной подлые ухищрения коварных умов, которые варварством рефлексии сделали людей такими бесчеловечными зверями, какими сами они не могли стать под влиянием первого варварства чувств» [Вико, 1994, с.469]. Впрочем, после периода хаоса начинается новый виток возрождения и роста, когда народ заново собирает свои силы и заново проходит через каждую фазу развития, чтобы достичь «возраста» человека, а затем, естественно, впасть в новую дикость.

Вся эта картина исторического процесса, нарисованная Вико, порой до деталей напоминает то, каким представлял себе ход истории Питирим Сорокин. У него также представлены три фазы исторического развития: идеациональная (с религией как главной силой, которая определяет все в человеческом поведении – форму государства, мораль, искусство, право и т.д.), сенсатная (где человек опирается на собственные силы и собственный разум) и идеалистическая (промежуточная между двумя другими). Параллели между этими фазами и «возрастами» Вико легко просматриваются: идеациональная – это «возраст» богов, сенсатная – людей, а идеалистическая – героев. Более того, у Сорокина мы также находим чередование этих систем: ни одна из них не может закрепиться навечно и рано или поздно должна разрушиться и дать дорогу другой. Впрочем, внешнее сходство далеко еще не означает внутренней идентичности, а тем более – прямого заимствования. Поэтому необходим более скрупулезный анализ сущности каждого периода у того и другого, чтобы можно было сделать какие-то более точные выводы. Что же мы находим?

Идеациональная суперсистема и «возраст» богов. Во многом здесь Сорокин и Вико совпадают: у каждого из них правит религия, государства являются теократиями, право – «боговдохновенным», искусство тоже. Да, но ведь боги-то у них абсолютно разные! Вико, говоря о «догомеровских» временах, описывает богов как языческую интерпретацию сил природы. «Тогда немногие Гиганты (притом самые сильные, рассеянные по чащам на вершинах гор, так как и самые сильные звери имеют там свои логовища), устрешенные и пораженные величественным явлением, причины которого они не знали, подняли глаза и заметили Небо. А так как в данном случае природа человеческого сознания такова, что оно приписывает явлению свою собственную природу, как это было сказано в Аксиомах, и так как природа людей, преисполненных грубыми телесными силами, в данном состоянии была такова, что они воем и рычанием выражали свои, дикие страсти, то они вообразили себе, что Небо – это огромное одушевленное Тело, и потому назвали его Юпитером – первый Бог *Gentes majores*, – который свистом молний и шумом громов хочет им что-то сказать»

[Вико, 1994, с.133–134]. Таким образом, Юпитер (Зевс) и весь сонм олимпийских богов являются не более чем продуктом испуганной фантазии диких народов. Конечно, Вико говорит о том, что здесь проявилось и подлинное понимание сил провидения: «...в тучах первых гроз и проблесках первых молний усмотрели они ту великую истину, что Божественное Провидение заботится о спасении всего Рода Человеческого» [Вико, 1994, с.138]. Но Юпитер с его небесными громами – это вовсе не Христос с его призывом «любить врагов своих». Отношения между людьми в племени, только начавшем выходить из дикого состояния, никак не соответствуют идеалу отношений «семейного» типа, которые Сорокин видел как характерные для религиозного сознания. Сознание первых людей было «совершенно лишено абстрактности, не утончено, не спиритуализировано, так как они были целиком погружены в чувства, возбуждены страстями, погребены в телах» [Вико, 1994, с.134]. Искусство также будет разным: если идеациональное искусство стремится к «духовности» и «бестелесности», то творчество, вдохновляемое мощью природных стихий, естественно, будет тянуться к изображению физического и плотского величия и силы.

Идеалистическая суперсистема и «возраст» героев. Здесь сходств также немало. Если сравнить гомеровский мир и эпоху Ренессанса, то и там, и здесь мы находим множество выдающихся личностей, поражающих нас сверхчеловеческими масштабами своего дарования – воинского или художественного. Пожалуй, это та точка, где два мыслителя наиболее близки друг к другу. Но при этом приходится признать, что данное сходство не имеет особой теоретической ценности, т.к. идеалистическая культура, по Сорокину, является промежуточной, т.е. соединяющей в себе черты всех других систем, а значит, включает в себя и характеристики эпохи героев (или любой другой – какой бы она ни была).

Сенсатная суперсистема и век людей. Сходство заключается, прежде всего, в том, что в обоих случаях миром правит сам человек, опираясь на свой разум и устанавливая такие порядки, какие ему подсказывает разум. Еще ближе оба мыслителя оказываются, когда они рассуждают о причинах краха эпохи людей. Вико утверждает, что правление человека в какой-то стадии приводит к забвению высших смыслов, содержащихся в мире, и он, полностью подчиняясь своим прихотям, начинает разрушать себя и окружающий его мир в эгоистической погоне за наслаждениями. Все это поразительно близко тому, что Сорокин говорит о кризисе сенсатной культуры, когда люди вступают в бесконечные и все более разрушительные конфликты, споря за ограниченное количество материальных благ. «Чувственные ценности будут становиться все более относительными и атомарными. Лишенные какого бы то ни было признания и действенной силы, они наконец покроются слоем пыли. Граница между истиной и ложью, справедливым и несправедливым, прекрасным и безобразным, между положительными и отрицательными ценностями начнет неуклонно стираться, пока не наступит царство умственной, моральной, эстетической и социальной анархии» [Сорокин, 2006, с.880]. За дезинтеграцией ценностей следует разрыв общественных связей и дискуссии, перестанут действовать договоры и соглашения, а с ними разрушатся капитализм и демократия как системы, основанные на договорных отношениях. «Грубая сила и циничный обман окажутся единственными атрибутами всех межличностных и межгрупповых отношений. Сила станет правом. В результате разразятся войны, революции, мятежи, общество захлестнут волнения

и зверства. Поднимет голову *bellum omnium contra omnes*: человек пойдет на человека, класс – на класс, нация – на нацию, вера – на веру, раса – на расу» [Сорокин, 2006, с.881].

Несомненные параллели просматриваются и в том, как два мыслителя объясняют логику исторического процесса. Для Вико в истории действует божественное провидение. Суть его в том, что через историю человеческий род реализует свой потенциал, постепенно переходя от дикого состояния к цивилизации, развитой культуре и рациональному устройству жизни. Цель и внутренний двигатель этого прогресса – божественное представление об идеальном государстве, «где люди честные и хорошие должны быть верховными Господами» [Вико, 1994, с.463]. Вико мыслит здесь в духе идеального государства Платона. Но дело в том, что такое государство, являясь идеальным, никогда не становится актуальным, т.е. люди могут приблизиться к нему, но никогда не смогут его реализовать. Поэтому же провидение является вечным, т.к. после очередного коллапса человеческого рода оно вновь начинает свою работу на пустом месте с самого начала, двигаясь через ступени развития к новому коллапсу, и т.д. Такова картина циклического хода истории.

Сорокин тоже настаивает на неизбежном конце любой социокультурной суперсистемы, так что в конечном счете его картина истории также приобретает циклический характер. Как и у Вико, в его трактовке исторического процесса присутствуют понятия «бога» и «божественного». Тем не менее, если рассмотреть нюансы, проявляются существенные расхождения в понимании сути истории и содержания каждой стадии. У Сорокина нет понятия личного бога, но божественное для него реально существует и представляет собой некий уровень бытия, в котором сходятся все противоречия и все формы существования. Этот уровень, который ученый называет «Многообразное Икс» [Сорокин, 1992, с.134–139], имеет моральное, эстетическое, интеллектуальное и всякое прочее позитивное содержание – в силу концентрации в нем всего положительного содержания мира. Чего в нем нет – так это идеи совершенного государства, которое играет провиденциальную роль в истории человечества. Человек действует без помощи божественного промысла – полагаясь целиком на собственные силы и ум. Он осваивает природу, постигая в ходе этого процесса ее многообразную сущность, но в разные периоды опирается на разные познавательные ресурсы и фокусируется на разных аспектах мира. В идеациональный период он видит и познает в мире его божественную сущность, используя в процессе познания такие средства и источники получения знания, как сверхчувственная интуиция, откровение и вера. В сенсатную эру – так как мир теперь воспринимается как материальный – эти инструменты уступают место средствам научного познания: чувственному опыту, эмпирическим наблюдениям, рациональному обобщению. В идеалистическую эпоху оба эти средства познания, эмпирическое и интуитивное, действуют в гармонии. Но даже в эту эпоху человек получает лишь несовершенное, частичное представление о мире, и в этом коренится причина драмы человеческой истории. В силу несовершенства своих познавательных возможностей люди рано или поздно исчерпывают позитивные ресурсы своего знания, а это ведет к путанице, ошибкам, столкновениям разных точек зрения, а конечном счете – к крупномасштабным конфликтам, войнам и прочим массовым трагедиям, которыми заканчивается одна эпоха и начинается переход к другой.

Таким образом, у Сорокина каждая эра – это полный цикл развития, т.е. она начинается с творческого подъема и быстрого развития (как это было в XVIII–XIX вв. с капитализмом, т.е. с сенсатной эпохой), затем суперсистема достигает пика своего развития, после чего начинается ее закат и период постепенного разрушения (капитализм XX в.). Ни одна из стадий не является подготовительной фазой перехода к более высокой (хотя сам Сорокин явно склоняется к предпочтению идеациональной и идеалистической систем), и в этом смысле каждая из них вполне самодостаточна. У Вико картина несколько иная: эпоха богов у него представляет собой ступень к появлению эпохи героев, которая, в свою очередь, подготавливает наступление эпохи людей – все это в контексте роста человеческой рациональности и самосознания.

Интересно проследить, как Вико и Сорокин определяют роль рационального познания в процессе истории. Рациональное – очень важный фактор для обоих; во многом они в этом вопросе совпадают, но при несомненном сходстве наблюдаются и существенные различия. У Вико человеку постепенно открывается воля провидения относительно человеческого рода, но в момент глубочайшего постижения божественного замысла (т.е. в эпоху людей, когда царствуют разум и науки) человек парадоксальным образом погружается в самоуверенную поглощенность собственными интеллектуальными ресурсами, забывает о боге и терпит социальную катастрофу. Все это очень близко к тому, как Сорокин мыслит себе кризис сенсатной (рациональной) эпохи, который также видит как период эгоистического забвения высших смыслов. Однако Сорокин вовсе не считает, что рациональное познание – это высшая ступень в развитии интеллектуальных способностей человека. Оно представляет собой лишь один из трех (наряду с эмпирическим познанием и сверхчувственной интуицией) доступных человеку познавательных инструментов, ни один из которых не имеет преимуществ перед другими. Человек не подчиняется провидению, а мотивируется собственным стремлением к познанию мира, сущность которого, в высшей его точке, является божественной. Иначе говоря, человек является творцом своей истории, будучи в то же время жертвой ограниченности своей природы и познавательных способностей. У Вико человек в рациональном познании достигает пика в своем развитии, однако оно несет с собой и причину катастрофы: в рациональном самомнении человек отрывается от бога, теряет связь с провидением и встает на путь разрушения культуры.

Таким образом, и Сорокин, и Вико выступают против абсолютизации рационального как источника универсального и полного знания. Но источники этого протеста у них разные, хотя известное сходство, безусловно, наблюдается. Для Вико сильнейшим стимулом к развитию оригинальных взглядов на историю и культуру послужило его отрицание рационализма Декарта, который интерпретировал человека как «мыслящую вещь» и поставил дедуктивный способ познания и рациональное над эмоциональной стороной человеческой жизни. Вико резко возражал против универсального применения картезианского метода во всех сферах человеческой деятельности, утверждая, что историю нельзя судить с точки зрения объективной истины, т.к. люди выступают в истории как творческие существа, самостоятельно создавая формы, факты и реалии жизни. И это творчество не подчиняется объективным законам – оно непредсказуемо, случайно, вероятно. Понятна лишь самая общая

картина: главные фазы развития в соответствии с божественным планом. Сорокин схожим образом выступает против рационализации истории; объектами его критики становятся любые попытки объяснить исторический процесс в марксистском или любом другом прогрессивистском ключе. Но Сорокин расходится с Вико в том плане, что он гораздо более пессимистичен во взглядах на человека и на историю. Если Вико явно увлечен творческой стороной деятельности человека в истории, тем, как люди творят язык, искусство, культуру в целом, то Сорокин акцентирует внимание на другом – на неизбежном и трагическом конце всякой эпохи и всякой культуры. Можно сказать, что Вико восторгается творческим полетом человеческого гения, тогда как Сорокин ужасается тем, какой конец ждет любой взлет и благополучие.

Наконец, надо отметить, что рациональное в его «губительной» роли выступает у Сорокина только в одной социокультурной системе. Кроме того, оно не является самостоятельным фактором истории, т.к. за кризисом рационального действуют более общие законы: Сорокин ссылается на принципы «пределов» и «имманентного изменения» в качестве двигателей социальной динамики [Сорокин, 2006, с. 797–817]. Эти законы не относятся к самым удачным идеям Сорокина, и их неоднократно критиковали [Speier, 1966, p. 436–447]. Они тавтологичны по своей сути, и в упрощенном виде их можно интерпретировать как нечто близкое к утверждению «мир меняется, потому что не может не меняться». В социальном мире перемены начинаются с исчерпания познавательных ресурсов той или иной суперсистемы (в случае с сенсатной суперсистемой – это кризис рационализма, материализма и эмпиризма). У Вико драма рациональности имеет не столько гносеологическое, сколько «небесное» измерение, т.к. рациональный человек теряет связь с провидением и «божественным планом» и в наказание за это ввергается в новую эру варварства.

Если выбирать точку главного расхождения между Вико и Сорокиным, то это, безусловно, моральная составляющая в их теориях. Для Вико главным является процесс роста и расцвета человеческой культуры, для Сорокина – это драма перехода от одной социокультурной суперсистемы к другой. Со временем этот момент перехода и все связанные с ним явления приобретали для Сорокина все большее и большее значение. Если в «Социальной и культурной динамике» Сорокин занят тем, что тщательно анализирует каждую эпоху, находя в ней факты, подтверждающие его идею о едином познавательном источнике для формирования культуры данного периода, и не делает оценочных суждений о желательности или нежелательности той или иной эпохи, то позднее у него все отчетливее начинает просматриваться предпочтительное отношение к идеациональной системе. Это видно, например, из откровенного предпочтения Сорокиным семейного типа солидарности (свойственного идеациональному мировоззрению) перед контрактальными отношениями, которые доминируют в сенсатном мире. Сорокин ориентируется на моральные основания того или иного периода, оставляя собственно культурные на втором месте, в то время как Вико представляет это соотношение в обратном порядке: для него важна именно творческая сторона эпохи, этическая же играет сравнительно незначительную роль. Поэтому у Вико нет никаких предпочтений: он восхищается человеческим гением и его творениями во все времена. Его периоды истории не противостоят друг другу, а составляют фазы неразделимого процесса. Время людей заканчивается, и в этом, по сути, нет трагедии, т.к. вся спираль должна запуститься заново, и на этом пути

будут новые достижения и открытия, будут созданы новые шедевры. У Сорокина же постепенно формируется противопоставление сенсатной и идеациональной систем. Причины этого, по всей видимости, имеют субъективный характер. Его жизнь в России во время мировой войны, а затем революции и гражданской войны и все пережитое тогда оказались огромной травмой, еще более усиленной ужасами Второй мировой войны и угрозой, которую несла с собой «холодная война». Все это склоняло его к тому, что идеациональная эпоха является менее опасной с точки зрения войн и социальных катастроф, а потому и более желательной.

Предположение о том, что концепция Сорокина является вторичной по отношению к теории Вико, всерьез рассматривать, конечно, нельзя. Параллели во взглядах легко найти относительно любой концепции. Точно так же можно утверждать, что взгляды на историю О. Шпенглера или А. Тойнби являются «перепевом» учения Н. Данилевского о культурно-исторических типах. В действительности каждый из этих ученых пришел к своим взглядам самостоятельно на основе собственных идей и выводов. То же самое касается Вико и Сорокина, что видно, кстати, и из библиографических свидетельств. Вико почти не упоминается в «Современных социологических теориях» и «Социальной и культурной динамике», т.е. книгах того периода, когда формировалось учение Сорокина об истории. Да и позднее Сорокин гораздо охотнее обращался к А. Тойнби и другим ученым этого направления, споря с ними и признавая точки схождения. Совпадения с Вико, какими бы поразительными порой они ни были, не относятся к случаям заимствования. Два ученых в две разные эпохи мыслили схожим образом, что в общем-то не должно удивлять: истории свойственно повторяться, а чутким ученым – замечать эти повторяющиеся тенденции. Но каждый большой мыслитель делает это по-своему – в меру своего таланта, индивидуальности и особенностей эпохи.

Литература

- Вико Дж. Основания новой науки: Об общей природе наций. М., Киев: REFL-book, ИСА, 1994. – 656 с.
- Сорокин П.А. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. М.: 1992, № 10. – С.134–139.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
- Danesi M. (ed.) Giambattista Vico and Anglo-American Science: Philosophy and Writing. Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 1995. – 283 p.
- Anderle O.F. Sorokin and Cultural Morphology // Philip J. Allen (ed.) Pitirim Sorokin In Review. Durham, N. C.: Duke University Press, 1963. – p. 95–121.
- Jaworski G.D. Pitirim A. Sorokin's Sociological Anarchism // History of The Human Sciences. 1993. Vol. 6 № 3. – p.61–77.
- Puchala D.J. Theory and History in International Relations. NY, London: Routledge, 2003. – 271 p.
- Speier H. The Sociological Ideas of Pitirim Alexandrovich Sorokin: "Integralist" Sociology // Barns H. E. (ed.) An Introduction to the History of Sociology. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1966. – p. 436–447.